

Повесив трубку, Шэнь Цзуннянь вдруг обнаружил, что ночной снегопад значительно усилился. Он совсем забыл закрыть окно.

Ледяной ветер со снегом быстро выстудил некогда тёплую комнатку, сделав её промёрзлой до костей. Это был совершенно иной мир, далёкий от той роскошной, разгульной жизни в неоновых огнях, что он видел на видео у Тань Юмина.

Впрочем, Шэнь Цзуннянь ничего не почувствовал. Он пришёл в себя лишь тогда, когда осознал, что ему следует сокращать время, затрачиваемое на эти мысленные возвращения в прошлое, пока он не достигнет полного очищения. Только тогда он снова заставил себя двигаться.

Аккуратно повесив шерстяной шарф, он взял чистую одежду и отправился в душ в надежде смыть с себя лишние мысли. Видимо, солнечной энергии, накопленной за день, оказалось недостаточно, поэтому вода у подножия заснеженной горы была ледяной. К счастью, Шэнь Цзуннянь обладал крепким телосложением, да и в прошлом ему доводилось жить в куда более суровых условиях. Так что он не испытывал дискомфорта — напротив, это отлично прочистило ему мозги.

Выйдя из душа, он сразу же включил ноутбук, чтобы заняться работой. В Китае сейчас был день. Шэнь Цзуннянь провёл короткую видеоконференцию с Чжун Маньцин и ещё одним курирующим вице-президентом, поручив им взять на особый контроль несколько проектов, завершающихся в конце года.

Очередной звонок от Тань Юмина раздался, когда он просмотрел треть отчёта. Шэнь Цзуннянь попытался вновь сосредоточить внимание на данных и графиках анализа трендов.

Звонок вскоре прекратился. Шэнь Цзуннянь будто с облегчением выдохнул, но в то же время — и нет.

Однако вскоре мелодия вызова заиграла вновь. Шэнь Цзуннянь на мгновение замер. Он молча слушал эти настойчивые трели, думая о чём-то своём.

Неуклюжий снеговик на аватарке смотрел на него полным надежды, пронзительным взглядом, словно пытаясь заглянуть в самую душу.

И вот, когда гудки стихли, и Шэнь Цзунняню показалось, что он почти справился, сигнал вызова раздался снова. Звонок был таким же настойчивым и неотступным, как и тот, кто звонил.

Один гудок, второй... Это противостояние, перетягивание каната на расстоянии трёхсот пятидесяти шести километров, звучало особенно оглушительно в тишине снежной ночи.

Снегопад усиливался.

Шэнь Цзуннянь нахмурился. Пальцы, сжимавшие мыш, то напрягались, то расслаблялись. С того самого момента, как он бессознательно нажал на кнопку ответа, он в очередной раз,

абсолютно отчётливо осознал:

Его эксперимент снова провалился.

Это было похоже на непроходимый уровень. Он застрял в этом снежном данже слишком, слишком надолго.

Сигнал был не самым стабильным, но свет от экрана в эту снежную ночь казался особенно тёплым.

Тань Юмин лениво откинулся на спинку мягкого компьютерного кресла. На его лице не дрогнул ни один мускул:

— Шэнь Цзуннянь, твой телефон существует просто для красоты?

Только тогда Шэнь Цзуннянь заметил, что на заднем фоне виднелись апартаменты «Линкольн». Тань Юмин уже вернулся домой.

На мгновение в душе поднялись непередаваемые эмоции, но Шэнь Цзуннянь лишь опустил глаза и посмотрел на него. С холодной вежливостью он поинтересовался:

— Не совсем понимаю, как человек, который каждый день пользуется чужим телефоном, может с такой уверенностью делать подобные заявления.

Несмотря на едкий сарказм, Тань Юмин рассмеялся. Шэнь Цзуннянь редко произносил такие длинные предложения. В детстве Тань Юмин вообще думал, что тот немой.

Заложив руки за голову, он легонько пнул ножку стола:

— Чего так долго трубку не брал?

— Работал, — ответил Шэнь Цзуннянь.

Тань Юмин не стал придирается к небрежности трудоголика и в мельчайших подробностях начал пересказывать ему всё, что произошло сегодня в доме Лоуренсов, а также разговор с Вэйс Хэ.

Шэнь Цзуннянь слушал его по видеосвязи, параллельно продолжая работать, и не вставлял никаких комментариев.

Впрочем, Тань Юмину его реакция была и не нужна.

— А потом я выпил немного белого вина, и мне что-то как-то нехорошо. Ты не мог бы завтра вернуться пораньше?

Даже свои просьбы он озвучивал так, словно это было само собой разумеющимся.

— Хочу лимонный чай, — он запрокинул голову, потёр переносицу и вздохнул: — Похмелье никак не отпускает, голова кружится, просто жуть.

Спокойный взгляд Шэнь Цзунняня переместился с отчётов на экран. Тань Юмин, видимо, уже принял душ. Его чистые чёрные волосы падали на лоб, а пушистая хлопковая пижама придавала ему безобидный и расслабленный вид — ни следа от той дерзости и высокомерия, с которыми он обычно держался на людях.

Но поскольку в детстве Шэнь Цзуннянь был свидетелем того, как этот человек использовал любые предлоги о недомогании и мастерски прикидывался бедняжкой, сражаясь в интеллектуальных поединках с Гуань Кэчжи, он лишь равнодушно ответил:

— Да неужели?

Тань Юмин нахмурился:

— Думаешь, я тебя обманываю? Так ты вернёшься или нет?

Он вёл себя так, словно Шэнь Цзуннянь был величайшим врачом современности, и если он задержится хоть на день, Тань Юмин немедленно отправится в мир иной.

Шэнь Цзуннянь снова уткнулся в отчёт, но под непрекращающимся взглядом собеседника услышал, как голос, словно неподвластный его разуму, ответил за него:

— Угу.

Тань Юмин наконец-то получил желаемый ответ и, оставив видеосвязь включённой, незаметно для себя уснул.

Когда он проснулся на следующий день, история звонков показывала шесть часов сорок три минуты. Видимо, Шэнь Цзуннянь боялся, что из-за выпитого вина ему ночью станет плохо, поэтому не вешал трубку до самого рассвета.

Тань Юмин моргнул, отправил ему сообщение и раздвинул шторы. В этот день погода в Манчэне заметно улучшилась. В саду и у озера появилось много животных, вышедших подышать свежим воздухом, а на балкон в поисках еды садились птицы, совершенно не боявшиеся людей.

Тань Юмин бросил им горсть хлебных крошек. Отклонив приглашение Вэйс Хэ, он взял машину и отправился в Кордербери, что находился в десятке километров от Манчэна.

У Шэнь Цзыци уроки заканчивались в двенадцать. Выйдя из главных ворот частной школы для мальчиков, он быстро нашёл машину с номерами, которые прислал ему Тань Юмин. Он открыл было рот, чтобы позвать его «брат Юмин», но в итоге произнёс: «Господин Тань».

Тань Юмин затушил сигарету, кивнул, показывая ему садиться в машину, и отвёз во французский ресторан неподалёку от школы.

— Посмотри, что хочешь заказать.

— Господин Тань, заказывайте на свой вкус, я не привередлив.

Тань Юмин окинул его взглядом. За последние два года Шэнь Цзыци заметно вытянулся. Одетый в школьную форму в бейсбольном стиле, с возмужавшими чертами лица, он неуловимо напоминал Шэнь Цзунняня. Но сходство это было лишь поверхностным — по ауре, духу и внутренней силе они отличались как небо и земля.

В обычное время Тань Юмин бы сказал: «Ничего страшного, заказывай, что хочешь», но сейчас он просто подозвал официанта и коротко заказал фруктовую тарелку и лёгкие закуски. В любом случае, они пришли сюда не ради еды.

Тань Юмин перешёл прямо к делу:

— Я позвал тебя сегодня, чтобы узнать, известно ли тебе что-нибудь о «Картине чернильного камня Баоцуй». В то время, за исключением утерянных одиннадцатого и последнего свитков, всё остальное досталось вашей ветви семьи, не так ли?

— Да, — Шэнь Цзыци заметно занервничал. Он побаивался Тань Юмина.

— Твои родители перед тем, как «уехать», не заказывали копии для сохранения репродукций и не просили никого узнать цену для продажи?

Тань Юмин назвал изгнание его родителей из Хайши руками Шэнь Цзунняня простым словом «уехать», в упор рассматривая собеседника.

Шэнь Цзыци почувствовал давление и честно ответил:

— Думаю, нет.

Тёмные глаза Тань Юмина впились в него. Он ничего не сказал.

Шэнь Цзыци выпрямил спину и повторил:

— Нет.

Когда его родителей вынудили покинуть Хайши, он был уже в сознательном возрасте. Тогда, чтобы спасти активы, большую часть движимого имущества переписали на его имя. Если бы с ним что-то делали, потребовалось бы его личное присутствие для оформления документов.

Тань Юмин то ли поверил, то ли нет. Лениво постукивая пальцем по столу, он спросил:

— Они связывались с тобой за последние два года?

В своё время Шэнь Цзуннянь, проводя чистку в семье, не тронул несовершеннолетнего Шэнь Цзыци. Он просто сослал его сюда учиться. Но даже это дало некоторым «старейшинам» корпорации и недобитым остаткам семейного клана слабую надежду найти марионетку для продвижения своих интересов.

Шэнь Цзыци покачал головой:

— Не связывались.

Хотя они и были одной семьёй, когда грянула беда, каждый спасался как мог. Им самим приходилось скрываться от долгов, где уж тут было заботиться о нём.

— Тогда я надеюсь, что если они всё-таки выйдут на связь, ты сразу же сообщишь мне.

Без улыбки лицо Тань Юмина становилось резким и пугающим. Не выдержав его взгляда, Шэнь Цзыци отвёл глаза и тихо спросил:

— А где мой брат?

Тань Юмина это позабавило, но фраза «он тебе не брат» так и не сорвалась с его губ.

Глядя на уклончивого и избегающего зрительного контакта Шэнь Цзыци, он невольно отметил про себя: этот тепличный цветок слаб и труслив, в нём нет стержня. Тань Юмин никогда не презирал слабых, но тяга к сильным была заложена в человеческой природе. В его годы Шэнь Цзуннянь уже вовсю орудовал на финансовой улице, открыв собственное дело и играя на понижение акций «Хуаньту».

Из-за молчания Тань Юмина Шэнь Цзыци почувствовал, что с ним справиться даже тяжелее, чем с тем холодным и неразговорчивым братом. Он снова тихо переспросил:

— Почему мой брат сегодня не пришёл?

Тань Юмин не собирался ничего объяснять, жёстко отрезав:

— Ему не нужно было приходить. Ты просто сообщаем всё напрямую мне.

Ему претила мысль о том, что Шэнь Цзуннянь будет лишним раз контактировать с семьёй Шэнь. Израненное тело Шэнь Цзунняня и его внезапное исчезновение стали для Тань Юмина кошмаром, преследовавшим его с одиннадцати до двадцати семи лет. Отвращение к семье Шэнь въелось ему в подкорку.

И пусть Шэнь Цзыци был абсолютно безобиден, Тань Юмин всё равно не мог заставить себя испытывать к нему симпатию. Если уж Шэнь Цзыци был ни в чём не виноват, то Шэнь Цзуннянь — тем более.

Сегодня Шэнь Цзыци учился в лучшей частной школе и наслаждался беззаботной жизнью. А в его годы Шэнь Цзунняню пришлось пережить скитания за границей, находясь на волосок от смерти.

Тань Юмин чётко разделял любовь и ненависть. Он считал ниже своего достоинства угрожать школьнику, но хотел, чтобы тот усвоил: это были остатки его терпения по отношению к семье Шэнь.

— Хочешь спокойно доучиться — делай то, что я говорю.

У Шэнь Цзыци не было выбора. Он кивнул.

Тань Юмин отвёз его обратно в школу. На прощание он бросил:

— Если что-то случится или понадобятся деньги, обращайся напрямую ко мне. Не смей беспокоить брата.

Шэнь Цзыци очень хотелось спросить: «А кем вы вообще приходитесь моему брату?», но он так и не осмелился.

В обществе шептались, что его старший брат — хладнокровный монстр, расправившийся с собственными родственниками. Но разве этот человек перед ним был ангелом во плоти? Просто мало кто видел, как в своё время наследный принц Тань вломился в их дом, устроив настоящий погром почище царя обезьян на Небесах, и с какой непередаваемой наглостью он себя вёл.

Жестокость Шэнь Цзунняня была скрытой, теневой, а вот безумие Тань Юмина — совершенно открытым. Лишь лет десять назад, после возвращения из-за границы, его психическое состояние пришло в некую норму. Ходили слухи, что семья Тань отправляла его в Германию на курс психотерапии.

В тот год старший дядя из семьи Шэнь, воспользовавшись предложением юбилейного банкета, полуобманом, полусилой попытался вернуть Шэнь Цзунняня обратно. Тогда пятнадцатилетний принц Тань во главе отряда громил в чёрном вломился прямо в старинный особняк семьи Шэнь. На глазах у высокопоставленных гостей он устроил настоящую истерику. Он бушевал так безрассудно, словно был готов стереть в порошок всё живое. В тот день банкет превратился в хаос и руины.

Тогда Шэнь Цзыци был совсем мал, но та сцена оказалась настолько потрясающей, что навсегда врезалась в его память. Она до сих пор оставалась огромной тенью, нависшей над семьёй Шэнь.

Семья Тань слишком баловала своего старшего внука. Чувствуя полнейшую безнаказанность и взирая на всех свысока, Тань Юмин с порога пнул и перевернул кресло именинника:

— Эй, по фамилии Шэнь! Немедленно отдай его мне! Иначе я прямо сегодня закажу чёрный ритуал, и клянусь, этот день рождения станет для тебя последним!

Шэнь Сяочан был крайне суеверным человеком. В Хайши, где повсеместно увлекались фэншуйем, это прозвучало как самое злобное и смертоносное проклятие.

В тот год у Тань Юмина был синдром восьмиклассника. Шэнь Цзыци помнил, что волосы у него тогда были выкрашены в серебристо-белый, стрижка — маллет, а в мочке уха ослепительно сверкала серьга с чёрным камнем. Прокричав свои угрозы, он спрыгнул вниз, поставил одну ногу на перевернутое кресло, скрестил руки на груди и молча наблюдал, как его телохранители разносят всё в пух и прах. Это была квинтэссенция наглости и произвола.

Он приказал людям в чёрном обыскать каждый угол в поисках Шэнь Цзунняня. Указывая пальцем на дядю семьи Шэнь, который был старше его вдвое, он бросил:

— Тебе лучше убедиться, что Шэнь Цзуннянь вернётся ко мне в целости и сохранности. Если с его головы упадёт хоть один волосок — виноват будешь ты! За каждую новую царапину на нём ты ответишь в десятикратном размере! За каждую каплю крови — в стократном!

Гости были в шоке. Некоторые хотели вмешаться и сыграть роль миротворцев, но самые зоркие заметили среди людей в чёрном тех, кто принадлежал к семье Чжао, и предпочли не лезть.

Отступая шаг за шагом, Шэнь Сяочан в панике созвал своих людей. Началась полная неразбериха.

Тань Юмин уложил нескольких охранников и широким шагом подошёл к нему. В его тёмных персиковых глазах под маской спокойствия таилась леденящая душу пустота:

— Если впредь с Шэнь Цзуннянем что-то случится — неважно, чьих это рук дело, отвечать будешь ты. Молись, чтобы до конца своих дней он жил спокойно и счастливо. Иначе я даже не представляю, на что буду способен. И поверь мне, ты точно не захочешь этого узнать.

Шэнь Сяочан тарачил глаза. Тщательно спланированный светский раут был разрушен в одночасье. Схватившись за сердце, он едва не рухнул в обморок прямо на месте.

От автора:

Тань Юмин в подростковом возрасте: Я всё уничтожу!!

P.S. Кстати, Чжао Шэнгэ, втайне пославший своих людей на подмогу Тань Юмину, снова был наказан Чжао Маочжэном и отправлен стоять на коленях, угу.

<http://bllate.org/book/17117/1603800>